

и даже мои рассуждения о том, что Ибсен в некоторых своих творениях близок Толстому.

Разговор шел в столовой, за вечерним чаем. Когда я кончил, Лев Николаевич ласково улыбнулся и заметил (из скромности я скрыл эти слова в моей книге, но тут уж приведу их, не ради себя, а ради Толстого):

— И как это он все знает!.. Ну да — естественно: молодой человек, везде ищет... «А ну, в самом деле, как там что-нибудь важное, а я этого и не знаю»!..

Это был один из редких случаев, когда Лев Николаевич признал за «молодым человеком» право на широкую любознательность. Обычно он говорил, что истина уже найдена старыми мудрецами (все знают его синодик: Конфуций, Сократ, Марк Аврелий, Кант, Шопенгауер и т. д.), а у новейших писателей искать нечего.

Замечательно при этом, что, не рекомендуя широкой любознательности другим, Лев Николаевич сам был исключительно любознательным человеком, что, впрочем, уже достаточно общеизвестно.

Вскоре после описанного случая, во время нового литературного разговора, кто-то упомянул имя Кнута Гамсуна. Лев Николаевич заинтересовался, что это за писатель. Никто из присутствующих не мог дать ему более или менее отчетливой характеристики Гамсуна.

— А вы его не читали? — с заметным любопытством осведомился у меня Лев Николаевич.

Увы, тогда и я Кнута Гамсуна еще не знал. А как бы я расхвалил, если бы знал, например, его «Голод»!..

Не могу удержаться, чтобы, в связи с вопросом об отношении Льва Николаевича к писателям, не